

Кокорев Иван Тимофеевич

**Очерки и рассказы И.Т.
Кокорева**

Часть 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Тимофеевич К.**
Очерки и рассказы И.Т.Кокорева: Часть 3 / Кокорев Иван Тимофеевич – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 334 с.

ISBN 978-5-519-89779-2

ISBN 978-5-519-89779-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МОСКОВСКІЕ РЫНКИ.

Часть III.

Кончилась кипучая дѣятельность дня; тишина смѣнила неумокаемый шумъ; опустѣли улицы; погасли огни; городъ спитъ подъ кровомъ глубокой ночи. . . . Изрѣдка промчится по мостовой одинокій экипажъ, мелькнетъ запоздалый пѣшеходъ, раздастся протяжный окликъ будочника, — и опять все стихнетъ, и развѣ одинъ вѣтерокъ заколыхается въ спокойномъ воздухѣ. . .

Но на долго ли эта тишина? сколько времени отдыхаетъ многомудное населеніе столицы? Да едва успѣешь пройти двѣ-три улицы, какъ уже и зашевелится прерванная на мигъ дѣятельность, и начнетъ подыматься рабочій людъ, хотя еще не вставало солнце. На улицахъ показываются экипажи — но не кареты съ колясками, а дровни и телеги. — Везетъ подмосковный мужичекъ на продажу произведенія своей

сельской промышленности; спѣшить огородникъ занять мѣсто повыгоднѣе на рынкѣ; а вотъ длинной вереницей тянется рядъ тяжело-нагруженныхъ воевъ. — «Откуда, братцы, Богъ несетъ васъ?» — «Отъ Макарья.» — «Чтò везете?» — «Чай.» — «А у васъ что, любезные?» — «Юфть да мыло изъ Казани.»—Предложите эти же самыя вопросы на другихъ краяхъ Москвы, — и услышите—здѣсь Петербургъ, тамъ Харьковъ, Одессу, тамъ Владиміръ, Иркутскъ, гдѣ Тамбовъ, гдѣ Ярославль, гдѣ Симбирскъ,—услышите имена почти всѣхъ значительнѣйшихъ городовъ земли Русской, не говоря уже о пригородахъ, уѣздахъ столицы, которые живутъ ею и для нея; увидите сотни различныхъ произведеній, сырыхъ и обдѣланныхъ, начиная отъ шерсти и пеньки, сандала и желѣза, до коленкора и бархата, паровыхъ котловъ и винныхъ паровъ, закупоренныхъ въ узкогорлыя бутылки. — А тамъ и сыны степей—волы идутъ мѣрнымъ шагомъ подъ ножъ мясника, и гуртъ смиренныхъ барановъ пробирается за ними туда же, и стадо крикливыхъ гусей, прошедшее сотни три верстъ пѣшкомъ, плавно выступаетъ по широко ймстовой . . .

Занимается заря, алѣетъ на небѣ, встаетъ солнце — показывается и самъ Москвичъ на улицахъ. Отворяются лавки съ съѣстными припасами, разносятся хлѣбы и крупичаты-горячи, мететъ дворникъ мостовую, съ освѣженными силами идетъ на нелегкую работу поденщикъ, выѣзжаетъ на ранній промыселъ ванька, пробирается на рынокъ заботливая хозяйка; мѣстами слышится стукъ молота и топора; вѣется дымъ изъ трубъ... Колесо, называемое промышленностію, пошло въ ходъ; по крайней мѣрѣ половина Москвы встала и принялась за работу...

Перекликаются колокола сорока — сороковъ церковей Бѣлокаменной, сзывая православный людъ на молитву... Высоко стоитъ солнце, игралъ лучами по разноцвѣтнымъ крышамъ, по золотымъ куполамъ; народъ валитъ какъ пчела, и съ каждой минутой прибавляется движеніе на улицахъ. Снуютъ взадъ и впередъ пѣшеходы, распѣваютъ на всевозможные тоны разношники, чаще и чаще проносятся экипажи, растутъ обозы, извозниковъ не оберешься... Всѣ, у кого утро не обращается въ ночь, уже на ногахъ, и принялись или готовы приняться за

обычную свою дѣятельность. Утро принесло съ собою всѣмъ силы и надежды...

Мы у Гостиного двора. Съ небольшимъ за часъ тому, запертый со всѣхъ сторонъ, какъ сундукъ съ золотомъ, безмолвный и безлюдный, онъ вдругъ растворился тысячами лавокъ, закипѣлъ жизнью и движеніемъ, наполнился и за торговалъ. Здѣсь самая многозначительная дѣятельность столицы; здѣсь вѣчная ярмарка; сюда стекается по крайней мѣрѣ половина матеріаловъ и издѣлій, идущихъ въ Москву изъ всѣхъ губерній, не говоря уже о мѣстномъ производствѣ, — и отсель расходятся они по всей Россіи. Посмотрите, какіе длинные ряды обозовъ тянутся сюда и отсюда; какъ запрудили они почти всю Никольскую, Ильинку и Красную площадь. А откуда они, мы видѣли прежде; куда отправляются? Спросите — и услышите опять имена почти всѣхъ городовъ Русскихъ. Словомъ, тутъ оживленная почтовая карта нашего отечества... Здѣсь разгружается одинъ обозъ, тамъ накладывается кладъ на другой; сотни артельщиковъ снуютъ изъ стороны въ сторону; кули, тюки, мѣшки, короба, ящики, бочки — все это живой рукой растаскивается,

скитывается, укладывается въ подвалы, амбары и палатки, или нагромождается на воза. Много суетливости, бѣготни, не мало и шума; но все идетъ правильно, какъ заведенные часы, всякая вещь знаетъ свое мѣсто... Загляните потомъ въ эти длинные извилистые, полутемные ряды, въ которыхъ, кажется, можно сбиться съ толку безъ плана или руководителя, ряды, заключающіе въ себѣ складъ товаровъ на многіе миллионы рублей, но едва обозначенные самыми скромными вывѣсками; присмотритесь къ товарамъ, къ продавцамъ и къ покупателямъ: сколько разнообразіа поразитъ васъ здѣсь, сколько движенія встрѣтится на каждомъ шагу! Здѣсь лавки, гдѣ блескъ серебра переливается въ жару золота, а недалеко отъ нихъ груды наваленъ чугуна и свинецъ, тамъ парчи, бархаты и атласъ, а по сосѣдству съ ними продаются цыновки и рогожи; въ этой лавкѣ можно найти всѣ произведенія утонченной роскоши, извѣстныя подъ именемъ галантерейныхъ, а въ этой торгуютъ лоскутками и тряпьемъ; чай и сахаръ находятся почти рядомъ съ аптекарскими матеріалами, сукно съ кожею, полотно съ писчею бумагою... А продавцы?

Сколько разницы между купцомъ, привыкшимъ рѣшать дѣла даже въ сотню тысячъ рублей за тремя парами чаю, и тѣмъ, который говоритъ покупателю: «пожалуйте ко мнѣ въ контору;» какъ не похожъ торговецъ оптовой на мелочного, и какъ мало сходства между владельцемъ нѣсколькихъ лавокъ и хозяиномъ крошечной лавочки или скромнаго *шкафа!* . . . А покупатели? Москвичъ, прїѣхавшій въ коляскѣ, который, не торгуясь въ цѣнѣ, приказываетъ внести взятые имъ товары «въ счетъ,» и Москвитянка, которая обойдетъ нѣсколько лавокъ, съ цѣлю, гдѣ бы повыгоднѣе купить пять аршинъ лентъ; иногородный покупатель, который беретъ на десять тысячъ подъ вексель, и другой также иногородный покупатель, ходебщикъ, который забираетъ товаръ — половиною на деньги, а половиною на «право-слово» или на бирку; фабрикантъ, который расплачивается товаромъ за товаръ, и Сибирякъ, который отсыпаетъ чистымъ золотомъ . . .

Но вотъ и биржа — Московская биржа, почти младшая изъ всѣхъ существующихъ въ торговыхъ городахъ Европы, и поэтому уступающая имъ въ обширности и даже, можетъ быть, въ

великолѣпнѣ зданія , но едва ли не равная со многими изъ нихъ значительностію своихъ оборотовъ , не смотря на то , что наше купечество любитъ производить торговыя сдѣлки , большею частію , за дружескою бесѣдой , или просто на улицѣ . Впрочемъ и наша биржа имѣетъ всѣ принадлежности благоустроеннаго средоточія коммерціи , начиная отъ маклерскихъ конторъ и сведчиковъ до преісъ-курантовъ и объявленій о торговой несостоятельности . Правда , съ одной стороны , ей недостаетъ того , что составляетъ душу почти всѣхъ другихъ биржъ , именно *ажіотажя* , этого , если позволительно такъ выразиться , умѣнья въ мутной водѣ рыбу ловить ; на ней мало слышится толковъ объ иностранныхъ фондахъ ; съ другой стороны , на ней не часто говорятъ о вексельныхъ курсахъ на Лондонъ и Амстердамъ ; не производится большихъ спекуляцій акціями : но отъ перваго недостатка торговли нашей , вѣроятно , ни сколько не хуже , — а послѣднему есть уважительныя причины . Москва городъ не портовой , и въ этомъ случаѣ за нее усердно дѣйствуютъ Петербургъ , Рига , Одесса и Архангельскъ . . . Она городъ не портовой , и поэтому , можетъ быть , на ней

не видно той шумной хлопотливости, которая господствует обыкновенно на прочих биржах; на ней взоръ не поражается пестрой смѣсью разноплеменныхъ одеждъ и лицъ, ухо рѣдко слышитъ разнозвучный говоръ вдругъ на десяти языкахъ, точно на Вавилонскомъ столпотвореніи. Но отсутствіе суевѣренности не мѣшаетъ десяткамъ и сотнямъ тысячъ рублей безпрестанно переходить изъ рукъ въ руки, и главнымъ капиталистамъ управлять почти всею внутреннею торговлею Россіи; что же касается до разнообразія, то, конечно, здѣсь нѣтъ столь поразительнаго, которое бы сейчасъ бросилось въ глаза своей яркостью; но особенностей и отличій также найдется довольно. Иностраннѣйшій негодіантъ, который обрусѣлъ и разбогатѣлъ на Руси, и иностранецъ, который, пріѣхавъ въ Московію съ нѣсколькими франками или талерами въ карманъ, чаесть воротиться на родину милліонеромъ, благодаря своей смѣтливости и увѣренности, что Москвитянамъ «безъ Нѣмцевъ нѣтъ спасенья;» Русскій купецъ въ кафтанѣ стариннаго покроя, въ дѣдовской шапкѣ, съ окладистой бородой, съ прямой и ясной рѣчью, едва знакомый съ Русскою грамо-